

Макогонова В. В.

кандидат філософських наук, доцент,
доцент кафедри філософії
Дніпропетровського національного університету
імені Олеся Гончара
(Дніпропетровськ, Україна), E-mail: visnukDNU@i.ua

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЫ В КУЛЬТУРЕ КАК ПРОБЛЕМА (О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОСМЫСЛЕНИЯ)

Аннотация. Цель данной статьи – обосновать значимость для философии изучения феномена ее взаимодействия с художественной словесностью; обозначить основные задачи и направления изучения проблемы взаимодействия философии и литературы. Выводы: сближение с художественной литературой – одна из тенденций развития современной философии, что проявляется, в частности, в формировании модели «поэтического мышления». Границы между философской и художественной рефлексией не всегда четко определены. Возникает методологическая необходимость разграничить различные формы духовной деятельности и вместе с тем выявить закономерности их взаимодействия. Для достижения цели следует решить такие задачи: сопоставить философию и литературу как сферы духовной деятельности; выявить формы их взаимоотношений в культуре; обозначить факторы, определяющие характер взаимоотношений философии и литературы в конкретных историко-культурных условиях.

Ключевые слова: художественная и философская рефлексия, компаративистский анализ философии и литературы, характер и формы взаимодействия философии и литературы в культуре.

Філософське сообщество України переживає сьогодні період обостреної саморефлексії. Кожна нова історична епоха, новий етап, змінюючи супутній контекст, з неумовним постійством ставить перед філософією одну і ту ж задачу – визначити своє місце і роль в житті суспільства. Змінення, що відбуваються в країні, надають особу остроту цій вічній проблемі, але не є єдиною причиною її обострення.

Сучасна філософія переживає кризис як академічна дисципліна. У всьому світі існує тенденція до витіснення гуманітарних наук з суспільного і академічного обиходу. Не тільки в Україні зменшується фінансування, скорочуються навчальні програми. Гуманітарій сприймається часто як людина без професії, як невдачливий або неспроможний до корисної і кваліфікованої діяльності. Зменшується кількість студентів, що вибирають для вивчення гуманітарні дисципліни. Між тим, статистика неоднозначна. За деякими даними в Великобританії, наприклад, за останні 8 років загальна кількість студентів збільшилася на 13,5%. Якщо математику обрали для вивчення 43,4% молодих людей, то історію і філософію – 0,1%.

У той же час парламент Великобританії на 65% складається з тих, хто отримав освіту в області соціальних і гуманітарних наук [8]. Приведені цифри дивовижні тільки на перший погляд. На справді вони є наочним підтвердженням тієї ролі, яку завжди виконувала гуманістика в житті суспільства. «Гуманітарні науки – це науки про людину. Де немає людського самопізнання, там немає і людини. Гуманітарні науки навчають людину розуміти і виражати себе, розуміти інших людей і спілкуватися з ними, розуміти інші культури і епохи, розуміти цілі людства і своє місце в історії; свідомо будувати свою особистість у творчому взаємодії з іншими індивідами і культурами» [8].

Особа роль у «будівництві» особистості і суспільства належить філософії, яка виробляє засоби рефлексивного відношення до всіх проявів

человеческой активности. «Роковая проблематичность» философии как формы познания мира в отсутствии общепринятого представления о ее природе и сущности философии; в невозможности эмпирически подтвердить или опровергнуть философскую теорию. В связи с этим один из существеннейших вопросов истории философии – в каком виде является философское знание, в какие формы облекается философская мысль на определенном историческом этапе своего развития и в определенной культурной среде?

Широко распространено сегодня представление о философии как о жанре литературы. Своеобразным манифестом сторонников такого подхода к определению сущности философии стала работа Ричарда Рорти «От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов».

В основании концепции Рорти представление о человеке как творческом существе, не открывающем, но созидаемом истину. В целом она сводится к следующим положениям:

1) религия, философия, литература обслуживают потребность человека в «искупительной истине», представляющей собою «совокупность верований, которые должны завершить раз и навсегда размышления о том, что нам делать с нами самими»;

2) упование на искупительную истину – частный вид того явления, которое М. Хайдеггер называет жадой подлинности – стремлением быть самим собой, а не просто продуктом своего образования или среды;

3) интеллектуалы Запада со времен Возрождения прошли через три этапа: сначала надеялись получить искупительную истину от Бога, потом – от философии, теперь – от литературы;

4) философия – это искупление посредством «усвоения некоей совокупности верований, которые представляют вещи тем единственным образом, каким они существуют на самом деле»; преимущество литературы по сравнению с философией в том, что она предлагает искупление посредством знакомства с максимально возможным многообразием человеческих существ;

5) с точки зрения литературной культуры, преобладающей сегодня среди интеллектуалов, религия и философия – жанры литературы». [9]

В последнее десятилетие с заметным постоянством обозначенная проблема становится предметом активного обсуждения. В 2004 г. в Харькове проходила международная научная конференция (XI Сквородиновские чтения) «Философия и литература». Участникам конференции было предложено поразмышлять над следующими вопросами. Рассмотрение философии как литературы (метафора в литературе и философии; жанры философских произведений; эволюция философского языка). Рассмотрение литературы как философии (приходит ли литература на смену философии; формы симбиоза литературы и философии). Философия и литература как два зеркала культуры: выявление ментальности через философию и литературу; проблема понимания в философии и литературе [12]. В 2009 г. состоялась Интернет-конференция «Историко-философские чтения к 200летию со дня рождения Н. В. Гоголя», в рамках которой возникла необходимость обосновать возможность включения в контекст историко-философских исследований произведений художественной литературы. В 2010 г. на заседании круглого стола в Симферополе представителями Украины и России обсуждался проект коллективной монографии «Философия и литература в культурах мира». В частности, предлагалось сосредоточить внимание на следующих вопросах: философия и литература: аспекты философско – методологического осмысления; художественное образование: философские принципы литературного творчества; философия и литература в славянской культуре; процесс философского осмысления литературного творчества. В ноябре 2015 г. в Днепропетровском национальном университете имени Олеся Гончара состоялось заседание

круглого стола «Філософія і література: грани діалога». В нем прийняли участь преподаватели кафедри філософії і студенти філософського відділення ДНУ. «Диалоги Платона: дидактический срез», «Трансформации современной антропологии», «Філософська повість як літературний жанр», «Моделирующие языки и модели мира», «Методологические принципы обнаружение философской рефлексии в литературно – художественном произведении», «Экзистенциализм – философия либо литература?», «Михаил Бахтин: синтез филологии и философии», «Філософские аспекты в творчестве И.Бродского», «Філософские мотивы в украинской литературе». Тематика докладов, сделанных на заседании круглого стола, подтвердила многогранность обозначенной проблемы.

Публикаций, появляющихся в последнее время в периодической философской печати, также дают представление о том, какие аспекты обозначенной проблемы представляют интерес для современных исследователей. Показательны в этом отношении статьи В. Г. Табачковского «Чи може феноменолог «зрадити» філософії заради літератури?», А. П. Алексеєва «Образная ткань философского произведения (К вопросу о сопоставлении философии и литературы)», Ю. Д. Артамоновой «Основания сближения философии и литературы в Новое время» [1; 2; 11].

Многообразие подходов к изучению темы «Філософія і література» демонстрирует ее внутреннее познавательное богатство, ее потенциальную неисчерпаемость. В тоже время заметна некоторая фрагментарность исследований, неразработанность целостной концепции взаимодействия философии и литературы в культуре. Справедливым остается утверждение: «Дело дошло до того, что, что в наше время есть вполне образованные люди, которые не могут понять, чем философия отличается от литературы и есть философы, которые не могут объяснить это отличие» [7].

Цель данной статьи – обосновать значимость для философии изучения феномена ее взаимодействия с художественной словесностью; обозначить основные задачи и направления изучения проблемы взаимодействия философии и литературы.

Ни одна из областей культуры не существует автономно. Поэтому, следует, во-первых, четко их разграничить, во-вторых, выявить закономерности их взаимодействия. Эта работа предполагает изучение характера и форм взаимодействия философии и литературы в культуре, а также анализа социокультурных факторов, определивших характер этого взаимодействия.

Для достижения цели необходимо, прежде всего, провести сравнительный анализ философии и литературы. Компаративистский анализ не просто констатирует наличие или отсутствие чего-либо тождественного или различного между областями культуры, но обосновывает внутреннюю связь различного рода явлений. Необходимо найти общее основание, которое, во-первых, делает сопоставимыми философию и литературу; во-вторых – возможным и необходимым взаимодействие между ними.

«Філософія осмысливает себя через Иное. Это Иное обретается как внутри себя, так и вовне ... Необходимо прояснить это сущностное присутствие, включенность Иного внутри и вне философии. На этом строится возможность и необходимость компаративистики» [6, с. 24].

Широко распространено мнение, что философия по своей творческой природе гораздо ближе к искусству, особенно литературе, чем к науке. Во-первых, и философия, и искусство стремятся к одной и той же цели – постижению последней истины, предельной сущности бытия. Во-вторых, философия не ограничивается целью выразить бытие только в системе категорий, философские понятия часто существуют как понятия-образы, понятия-метафоры. «Непосредственное соседство», по выражению Г.-Г. Гадамера, философии и художественной словесности, определяется принципиальной неисчерпаемостью смыслов философских и литературных феноменов. «Філософія заключает в себе такую

же недостижимую даль, обладает таким же дальнодействием и вместе с тем той же абсолютной сосредоточенностью в настоящем ... как это свойственно ... всем искусствам. Прогресса нет ни в философии, ни в искусстве. В обоих случаях важно нечто другое: вызвать участие» [4, с. 96].

В истории культуры всегда был велик соблазн отождествить искусство и философию. «Все недостатки, в которых упрекали эту последнюю, пока считали ее за науку, окажутся естественными ее свойствами и отчасти даже достоинствами, с той минуты как она признана будет ветвью искусства. Общество сейчас же примирится с философией и с философами, как скоро узнает в этих последних братьев поэтов и художников, которые не истину должны ему открывать, а только изображать перед ним внутренний мир человеческого сознания с его высшими потребностями, влечениями и идеалами. То, что должно быть, а не то, что есть – вот что раскрывает философия» [5, с. 76]. Уравнивание философии и искусства решает многие проблемы: оправдывает и признает неизбежными разногласия и противоречия между разными философскими школами и направлениями, извиняет дилетантизм многих философов в науках, ибо в деле творчества талант важнее, чем положительные знания, необходимые только в известной степени. С энтузиазмом, который вызывает надежда разрешить окончательно вопрос о природе и сущности философии, не раз предлагалось обстоятельно сравнить философию и поэзию как две ветви одного дерева. Например, по мнению русского мыслителя Н. Я. Грота, сходные черты философии и искусства таковы:

- философские и поэтические произведения есть дело вкуса, ибо всегда удовлетворяют лишь определенный круг лиц и определенные эпохи; говорить о вкусах в науке нелепо;

- несмотря на разнообразие и переменчивость вкусов в отношении к произведениям искусства и философии, творения живописцев, музыкантов, поэтов, как и философов, вызывают ощущение объективно значимого даже у тех, кто не разделяет их идею; Платон, Софокл, Аристотель, Рафаэль, Моцарт, Кант вызывают во всяком человеке уважение к своим творениям;

- философские системы, как и художественные произведения, неразрывно связаны с именем своего творца; научные теории безличны, хотя бы потому, что открыть в науке некий закон может несколько лиц, а «Фауст» Гете или трансцендентальный идеализм Канта принадлежит только своим создателям.

Компаративистский анализ философии и литературы поможет избежать уравнивания философской и художественной рефлексии. Непростым оказывается вопрос о том, по каким критериям следует их сравнивать. Можно предложить следующий подход – сопоставление философии и литературы как форм духовной деятельности в гносеологическом, онтологическом, аксиологическом аспектах. Во-первых, сопоставление философии и литературы в плане их познавательных возможностей. Во-вторых, сопоставление онтологического статуса философского и литературного произведения. В-третьих, сопоставление философии и литературы как способов социокультурного существования ценностей. В рамках такого подхода могут быть упорядочены многочисленные попытки сравнения философии и литературы.

Требуем внимания и осмысления тот факт, что в истории обнаруживаются значимые образцы, переступающие границы отдельных областей культуры: религиозная философия Древней Индии, диалоги Платона, романы Ф. М. Достоевского. Они есть свидетельства «самоосуществления духа», свидетельства того, что различные формы духовной деятельности существенно связаны между собой. В связи с этим, актуальными можно назвать те исследования, которые нацелены на выявление конкретных форм взаимодействия философии и художественной литературы.

В таком контексте значительный интерес представляет опыт французского ученого Э. Сурио. Он предлагает едва ли не единственную типологию отношений

философии и искусства в следующем виде:

Первый тип может быть назван «симбиозом эпохи». Философ не существует в качестве одинокого мыслителя, без каких-либо связей, кроме специальных. Философов и деятелей искусства объединяет «живой момент духовной деятельности» [10, с. 105]. Для истории философии важны исследования, которые выявляют точное соответствие философам эстетических характеристик их эпохи.

Второй тип существует как парадигмальный вклад искусства в данную философию, то есть речь идет о ее художественных источниках.

Третий тип отношений обозначается как спекулятивный – речь идет о том, какое место отводит философ в своей философии (или философии вообще) размышлениям об искусстве. Причем эстетика может быть как явной, так и скрытой. Извлечение скрытой эстетики имеет смысл, потому что она может выступать мотивацией метафизических идей.

Четвертый вид связи обнаруживается в том случае, если рассматривать философию как произведение искусства. Пятый – это жизнь философии в искусстве, иначе, влияние философии на искусство.

Выделяя пять типов отношений между философией и искусством, Э. Сурио предлагает тем самым целостную программу изучения взаимодействия философии и искусства в культуре.

Очевидно, что характер взаимоотношений, складывающихся между философией и художественной литературой на определенном историческом этапе и в определенной культурной среде, зависит от целого ряда факторов. Выявление этих факторов – важный составляющий элемент исследования проблемы, обозначенной в данной статье.

Богатый материал для подобных исследований содержит опыт славянского философствования. В истории России, Украины, Белоруссии наблюдается факт длительного существования и развития духовной культуры в так называемом синкретическом состоянии. На протяжении нескольких столетий (примерно X–XVII) философствование существует не как отдельная сфера духовного творчества, а как часть некоего интеллектуального целого литературно-художественно-религиозно-философского. Получили широкое распространение так называемые неспециализированные формы философствования. Имеется в виду, например, специфическое бытие философии в контексте художественной культуры, в форме публицистики или литературной критики..

В русской культуре, например, отношения философии и литературы приобретали формы, позволяющие говорить не просто о взаимодействии, но о взаимопроникновении, «взаимоосуществлении» этих двух форм духовной деятельности.

У историков русской философии отсутствует единое мнение по вопросу о том, оправдана ли оценка русской философской мысли как литературоцентричной. С одной стороны, существует весьма устойчивая традиция (нашедшая отражение, например, в работах Н. А. Бердяева, А. Ф. Лосева, А. Ф. Замалева и др.) признания «литературоцентричности» русской философии не просто «жанровой, внешне-формальной характеристикой», а проявлением соответствующей «логико-дискурсивной тенденции духовной культуры». С другой – существует мнение о неправомерности такой оценки и надуманности самой проблемы литературоцентризма русской философии (М. А. Маслин).

В тоже время многие культурологи и литературоведы считают литературоцентризм существеннейшей характеристикой русской культуры в целом. Речь идет о «тяготении культуры к литературно – словесным формам», о культурно – рефлексивной функции литературы (М. Берг, И. Кондаков и др.). Возникает очевидная необходимость ответить на вопросы: в условиях, при которых

література являється саморефлексией культуры, может ли философия не иметь литературоцентричного характера? Каков характер взаимодействия двух форм духовной деятельности (философии и литературы), которые выполняют в культуре одну функцию – являются ее целостную концепцию взаимодействия философии и литературы в русской культуре? В чем причины такого специфического явления как литературоцентризм культуры и литературоцентризм философии?

Привлекает внимание концепция истории русской философии, разработанная Г. Г. Шпетом. Самосознание народа выражается через посредство его литературы, науки, искусства, но философия считается преимущественным органом такого выражения, – замечает Шпет. Русская философия оказалась в условиях, в которых не смогла реализовать свое преимущественное право. Прежде всего, потому, что Русь приняла христианство без усвоения античной культурной традиции, не имела долго своего языка и по невежеству своему не вынесла из средневековья развитой системы догматического богословия. Привыкнув долго обходиться без слова, которое есть форма осуществления мышления, русское философствование длительный период находилось в состоянии спонтанности. Таков был итог московского периода русской духовной истории. Первые попытки систематического знакомства с западной философией в XVII–XVIII не могли быть плодотворными, поскольку не сформировалась еще внутренняя потребность в философии. Та предварительная духовная работа, которая необходима для того, чтобы спонтанное творчество почувствовало необходимость в рефлексии, еще не закончилась. Но как только такая необходимость стала ощутимой, правительственная интеллигенция, претендующая на руководство духовным творчеством, опутала профессиональную философию сетями официоза, вынудила философию академическую искать убежища в свободной литературной деятельности, в журналистике. Именно литература стала в России основным средством самовыражения народа. Если бы академическая философия имела устойчивые традиции, действие такого внешнего фактора как правительственная цензура не могло иметь решающего значения. Но профессиональная философия как таковая еще не оформилась, и путь ее определился через литературу. На философии это сказалось, прежде всего, в том, что наиболее близким и доступным входом в нее стала философская постановка проблемы искусства. Что касается русской литературы, ее полнокровность, ее значимость и глубина во многом объясняется философской прививкой. Профессура, переносившая в литературу философскую рефлексию, внушила литературе необходимость таковой [4].

Выводы Г. Г. Шпета неоспоримы. Неоспоримую методологическую ценность имеет подход к обозначенной проблеме – поиск взаимосвязей между политической, социально – экономической, религиозной и интеллектуальной жизнью народа.

Таким образом, можно предложить следующий вывод: сближение с художественной литературой – одна из тенденций развития современной философии, что проявляется, в частности, в формировании модели «поэтического мышления». Опора на художественный метод выступает как доминанта философствования. Границы между философской и поэтической рефлексией не всегда четко определены. Возникает методологическая необходимость четко разграничить различные формы духовной деятельности и вместе с тем выявить закономерности их взаимодействия.

Для достижения цели следует решить такие задачи:

1. Сопоставить философию и литературу как сферы духовной деятельности; обозначить факторы, определяющие характер взаимоотношений философии и литературы в конкретных историко-культурных условиях. Сравнение философии и литературы как форм духовной деятельности целесообразно в гносеологическом, онтологическом, аксиологическом аспектах. Во-первых, сопоставление философии и литературы в плане их познавательных возможностей. Во-

вторых, сопоставление онтологического статуса философского и литературного произведения. В-третьих, сопоставление философии и литературы как способов социокультурного существования ценностей.

2. Выявить конкретные формы их взаимоотношений в культуре. Стержневой основой такого исследования может служить следующая типология. Первый тип – «симбиоз эпохи». Философ не существует в качестве одинокого мыслителя, без каких-либо связей, кроме специальных. Философов и деятелей искусства объединяет «живой момент духовной деятельности. Второй тип – парадигмальный вклад искусства в данную философию. Третий тип – спекулятивный – речь идет о том, какое место отводит философ в своей философии (или философии вообще) размышлениям об искусстве. Четвертый вид связи обнаруживается в том случае, если рассматривать философа как произведение искусства. Пятый – это жизнь философии в искусстве, иначе, влияние философии на искусство.

3. Обозначить факторы, определяющие характер взаимоотношений философии и литературы в конкретных историко-культурных условиях. При этом следует обратить внимание на поиск взаимосвязей между политической, социально – экономической, религиозной и интеллектуальной жизнью региона или эпохи.

Выявление закономерностей взаимодействия философии с близкой ей по творческой природе художественной словесностью работает на решение фундаментальной проблемы, которая состоит в определении форм выражения философского знания и методов его получения. В свою очередь, вопрос о природе и сущности философского знания напрямую связан вопросом о задачах и перспективах философии в современной культуре

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Алексеев А. П. Образная ткань философского произведения (К вопросу о сопоставлении философии и литературы) / А. П. Алексеев // Вестн. Моск.ун-та. Сер.7.Философия, 2010,№4. – С. 37–46
2. Артамонова Ю. Д. Основания сближения философии и литературы в Новое время / Ю. Д. Артамонова // Вестн. Моск.ун-та. Сер.7., Философия, – 2010, – №4. – С. 45–63.
3. Введенский А. И. Очерки истории русской философии / А. И. Введенский, А. Ф. Лосев, Э. Л. Радлов, Г. Г. Шпет / Сост., вступ. ст., примеч. Б. В. Емельянова, К. Н. Любутина. – Свердловск, 1991. – 592 с.
4. Гадамер Х.-Г. Философия и литература / Х.-Г. Гадамер // Фил. науки. 1991, – №2, – С. 84–97.
5. Грот Н. Я. Философия как ветвь искусства / Н. Я. Грот // Начала, 1993, – № 3. – С.74–78.
6. Место компаративистского подхода в структуре методологии историко – философского познания // История современной зарубежной философии: компаративистский подход – СПб., 1997. – С. 9–21.
7. Малер А. Кризис русской философии [Электронный ресурс] / А. Малер – Режим доступа: //www.russ.ru/pole/krizis-russkoj-philosofii. (дата звернення 20.06.2015) – Назва з екрана.
8. Эпштейн М. Человечествоведение как профессия. Интервью Г. Асмолову, 23.7.2015 [Электронный ресурс] / М. Эпштейн – Режим доступа: www.russianguar.com (дата звернення 20.06.2015) – Назва з екрана.
9. Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов / Р. Рорти // Вопр. филос. – 2003, – № 3. – С. 30–41.
10. Сурио Э. Искусство и философия / Э. Сурио // Вопр. философии, – 1994, – № 7. – С. 104–117.
11. Табачковський В. Г. Чи може феноменолог «зрадити» філософії заради літератури? / В. Г. Табачковський // Філософ. думка, – 2003, – №2. – С. 92–121.
12. Філософія і література Матеріали X Харківських міжнародних Сковородинівських читань. – Харків, 2004. – 388 с.

REFERENCES:

1. Alekseev A. P. Obraznaya tkan' filosofskogo proizvedeniya (K voprosu o sopostavlenii

filosofii i literatury) [Figurative fabric philosophical works (On the issue of the comparison of philosophy and literature)] // Vestn. Mosk.un-ta. Ser.7.Filosofiya, 2010, №4. – S. 37 – 46

2. Artamonova Yu. D. Osnovaniya sblizheniya filosofii i literatury v Novoe vremya [Grounds convergence of philosophy and literature in modern times] // Vestn. Mosk.un-ta. Ser.7., Filosofiya, – 2010, – №4. – S. 45–63.

3. Vvedenskiy A. I., Losev A. F., Radlov E. L., Shpet G. G. Ocherki istorii russkoy filosofii [Essays on the history of Russian philosophy] / Sost., vstup. st., primech. B. V. Emel'yanova, K. N. Lyubutina. – Sverdlovsk, 1991. – 592 s.

4. Gadamer Kh.-G. Filosofiya i literatura [Philosophy and Literature] // Fil. nauki. 1991, – №2, – S. 84–97.

5. Grot N. Ya. Filosofiya kak vetv' iskusstva [Philosophy as a branch of art] // Nachala, 1993, – № 3. – S. 74 –78.

6. Mesto komparativistskogo podkhoda v strukture metodologii istoriko – filosofskogo poznaniya [Place the comparative approach in the structure of the methodology of the historical - philosophical knowledge] // Istoriya sovremennoy zarubezhnoy filosofii: komparativistskiy podkhod – SPb., 1997. – S. 9–21.

7. Maler A. Krizis russkoy filosofii [The crisis of Russian philosophy] [Electronic resource]. – Access mode: //www.russ.ru/pole/krizis-russkoj-filosofii.

8. Epshteyn M. Chelovekovedenie kak professiya. Interv'yu G. Asmolovu, 23.7.2015 [Humanities as a profession. Interview with G. Asmolov] [Electronic resource]. – Access mode: www.russianguap.com

9. Rorti R. Ot religii cherez filosofiyu k literature: put' zapadnykh intellektualov [From religion through philosophy to literature: the way Western intellectuals] // Vopr. filos. – 2003, – № 3. – S. 30–41.

10. Surio E. Iskusstvo i filosofiya [Arts and Philosophy] // Vopr. filosofii, – 1994, – № 7. – S. 104–117.

11. Tabachkovskiy V. H. «Chy mozhe fenomenoloh «zradyty» filosofii zarady literatury?» [Can phenomenology «betraying» philosophy for literature?] // Filos. dumka, – 2003, – №2. – S. 92 – 121.

12. Filosofia i literatura Materialy Kh Kharkivskyykh mizhnarodnykh Skovorodynivskyykh chytan [hilosophy and Literature Materials X Kharkiv international Skovoroda readings]. – Kharkiv, 2004. – 388 s.

Макогонова В. В., кандидат філософських наук, доцент, доцент кафедри філософії Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара (Дніпропетровськ, Україна), E-mail: visnukDNU@i.ua

Взаємодія філософії та літератури в культурі (про деякі аспекти осмислювання).

Анотація. Мета статті – обґрунтувати значущість для філософії вивчення феномену її взаємодії з художньою літературою; визначити головні завдання та напрямки вивчення проблеми взаємодії філософії і літератури. Висновки: одна з тенденцій розвитку сучасної філософії – зближення її з художньою літературою, що виявляється у формуванні моделі «поетичного мислення». Границі між філософською та художньою рефлексією не завжди чітко визначені. Виникає методологічна потреба розмежувати різні форми духовної діяльності і разом з тим визначити закономірності їх взаємодії. Для досягнення мети слід вирішити наступні завдання: порівняти філософію і літературу як сфери духовної діяльності; виявити форми їх взаємовідносин в культурі, позначити фактори, що впливають на характер взаємодії філософії і літератури у конкретних історико – культурних умовах.

Ключові слова: художня і філософська рефлексія, порівняльний аналіз філософії і літератури, характер і форми взаємодії філософії і літератури в культурі.

Макогонова V., PhD in philosophical sciences, associate professor of the Department of philosophical sciences Oles Honchar Dnipropetrovsk national university (Dnepropetrovsk, Ukraine), E-mail: visnukDNU@i.ua

The interaction of philosophy and fiction in the culture (some aspects of comprehension of problem).

Abstract. The aim of this article – to substantiate importance of the study of forms of interaction between philosophy and fiction, identify the main objectives and directions of study of this problem.

Conclusions: the convergence philosophy and fiction – one of the trends of development of modern culture. The boundaries between artistic and philosophical reflection not always clearly defined. There is a need to set boundaries between the two areas of culture, identify patterns of their interaction. To achieve the goal should be to solve such problems: compare philosophy and fiction; identify forms of their interaction; the factors that determine the nature of relationship philosophy and fiction in different historical condition.

Key words: *artistic and philosophical reflection, comparative analysis of philosophy and fiction,*

УДК 11 + 13 + 1 (091)

Пронякін В. І.

доктор філософських наук, професор,
професор кафедри філософії
Дніпропетровського національного університету
імені Олеся Гончара (Дніпропетровськ, Україна),
E-mail: vladimir-pronyakin@rambler.ru

ІДЕНТИФІКАЦІЙНІ ЧИННИКИ ВІТЧИЗНЯНОЇ САМОСВІДОМОСТІ У ПОСТМОДЕРНІЙ КУЛЬТУРНО-КОМУНІКАТИВНІЙ ОПОЗИЦІЇ «СХІД – ЗАХІД»

Анотація. *Розглянуті соціокультурні та світоглядні засади, що ними визначаються ідентифікаційні пошуки національної свідомості в умовах постмодерну. Аналіз тематизованої бінарною – східно-західною – опозицією провідних ідентифікаційних орієнтирів.*

Ключові слова: *самосвідомість, світоглядна ідентичність, національна ідентичність, деконструктивізм, ціннісне світобачення, барочна свідомість.*

Протягом існування незалежної України вітчизняна інтелектуальна спільнота чимало зусиль віддає нагальній, зведеній до необхідності справі відшукування світоглядних засад національної ідентичності. Пошукова праця ведеться (головним чином) у двох напрямках: європейському (чи ширше – західному) та етно-автохтонному, так би мовити, «свійському». Цей цілеспрямований рух відзначається – у кожній з обох орієнтацій – амбівалентністю мотиваційних чинників, що обумовлюють його характер та наділяють його духовною енергетикою. Сучасні українські «західники» поділяються на тих, хто надихається ідеєю про нашу першоприродну, архетипічну «європейськість», а також на тих, хто, вказуючи на важку історичну долю нації, відмовляє останній у наявності західних коренів, принаймні – у духовно-онтологічному плані. Орієнтація убік теперішнього Заходу, на думку останніх, сприятиме певній компенсації цієї «вади». Прибічники суто етнічного підходу до проблеми ідентичності також не утворюють команди однодумців: над одними тяжіє ідея одвічної самостійно-достатньої, унікальної в своїй неповторності, характерності свідомості українців; натомість інші вважають (посилаючись на ту ж саму складну національну історію), що Україна як нація поки ще не визначила своє дійсне місце у цивілізаційному та культурному просторі і часі.

Відповідно до розмежування чинників, що ними визначаються «вектори» ідентифікаційних інтелектуальних посувань, пропонуються неоднозначні засоби досягнення бажаної мети. Природно, що «західники» зорієнтовані на вестернізацію як головний дійовий «інструмент» світоглядних перетворень, але різні автори по-різному дивляться на цілі та завдання цих перетворень. Багато з тих, хто визнає докорінну причетність українців до європейського людства (серед них є культурегери, що вимагання такого визнання усім навколишнім світом зробили своєю професійною справою), під вестернізацією розуміють модернізацію, точніше – «пост модернізацію» усього, що має відношення до вітчизняного культурного ареалу; інші наполягають на необхідності свідомої ідентифікації насамперед у визначеннях ліберально-демократичної (ідейної, як казали раніше,